

Б. Н. Миронов. Достаточно ли производилось пищевых продуктов в России в XIX-начале XX в. // Уральский исторический вестник № 3(20), 2008. С. 83-95.

1. 1801-1860 гг.

Прямых данных о потреблении продуктов питания за первую половину XIX в. нет, поэтому приходится обращаться к их производству. Начнем с хлеба – главного продукта питания в то время. Из-за несовершенства статистики первой половины XIX в. точно определить уровень и динамику сельскохозяйственного производства невозможно. Наиболее компетентные российские статистики дореформенного времени оценивали производство зерновых накануне отмены крепостного права в 3 четверти на душу населения в год, включая сюда корм скоту и птице¹. Это примерно соответствовало солдатскому довольствию в 32 кг муки в месяц, что с учетом припека давало до 1.5 кг ржаного хлеба на едока ежедневно² (см. табл. 1). При таком, довольно высоком уровне потребления оставалось достаточно зерна и для удовлетворения потребностей в продовольствии городов, армии, а также для винокурения и экспорта. В 1920-е гг. известный статистик П. И. Попов, возглавлявший в то время Центральное статистическое управление, нашел расчеты хлебного баланса страны в 1840-1850-м гг. удовлетворительными³.

Таблица 1. Чистые сборы зерновых в России в первой половине XIX в. по оценкам разных исследователей (в четвертях на душу населения)

Авторы расчета	1802-1811 гг.	1812-1830 гг.	1834-1840 гг.	1841-1850 гг.	1851-1860 гг.	1857-1863 гг.
В. Андросов		2.8				
Е. Зябловский	3	2.4				
Д. Протопопов, П. Кеппен			2.3-2.5			
Л. В. Тенгоборский, П. Семенов				3		
И. И. Вильсон				3		3.3
И. Д. Ковальченко	3	2.5		2.6	2.4	
В. К. Яцунский	2.9					3.3
А. С. Нифонтов					2.4	

В 1959 г. И. Д. Ковальченко подверг сомнению эти оценки. По его расчетам, «в 50-х годах (XIX в. – Б.М.) чистые сборы хлебов на душу населения по 36 губерниям Европейской России были на 13.5% ниже, чем в начале века. При этом в 40-х годах уровень земледелия был

таким же, как в начале века». По его мнению, феодально-крепостническая система хозяйства вступила в период кризиса, который «в целом может быть датирован примерно 30-50-ми годами XIX в. Наибольшей глубины достиг он в 50-х годах. В это время социально-экономические противоречия достигли своей предельной остроты, что и обусловило падение крепостного права»⁴. Данное построение заключало противоречие: кризис датируется 1830-1850-ми гг., а снижение уровня производства наступило лишь в 1850-е гг. Кроме того, у него было мало сведений за 1810-е гг. (по 16 губерниям из 49) и за 1820-е гг. (по 10 губерниям), а за 1830-е гг. - вовсе отсутствовали.

В. К. Яцунский в 1959-1961 гг. оспорил оценки и выводы И. Д. Ковальченко, обвинив его в некритическом использовании губернаторских отчетов,⁵ и сделал собственные расчеты уровня зернового производства на 1857-1863 гг. Средние сборы по России у него оказались такими же, как у Вильсона.⁶ Сравнив их с данными за 1802-1811 г., Яцунский пришел к выводу, что душевые сборы зерновых за полвека увеличились на 7.3%, из чего следовало, что дореформенное сельское хозяйство медленно прогрессировало. Уже после смерти оппонента Ковальченко выпустил в 1967 г. книгу, в которой воспроизвел данные и аргументы, высказанные ранее, не отреагировав на замечания.⁷ Однако именно тезис о социально-экономическом кризисе николаевской России нашел поддержку в советской историографии, поскольку в то время исследователи настойчиво искали доказательства существования революционной ситуации накануне отмены крепостного права, наличие которой постулировал В. И. Ленин.

В 1974 г. А. С. Нифонтов опубликовал книгу, в которой, с одной стороны, поддержал Ковальченко в его позитивно-некритическом отношении к губернаторским отчетам и в оценке общего уровня земледельческого производства в 1850-е гг., но, с другой стороны, подверг сомнению тезис И. Д. Ковальченко о кризисе 1850-х гг. Используя те же губернаторские отчеты за 1850-е гг., он показал, что 1850-е гг. разделялись на две половины - до и после 1856 г., т.е. до и после Крымской войны. В 1851-1856 гг. наблюдался спад земледельческого производства, а

1856-1860 гг. - подъем, в ходе которого начальный уровень 1851-1855 гг. в целом по России был превзойден. Получалось, что в годы апогея революционной ситуации сельское хозяйство сделало прогресс. Нифонтов также пришел к выводу, что величину товарного зерна Ковальченко недооценил, следовательно, на самом деле уровень сельскохозяйственного производства был выше, чем предполагал его предшественник, хотя и утверждал, что в 1850-е гг. хлебофуражный баланс по России в целом сводился с дефицитом в 4% от валового сбора зерновых⁸. Поскольку книга Нифонтова до некоторой степени шла вразрез с официальной точкой зрения на 1850-е гг., она осталась как-то незамеченной и не вызвала ни дискуссии, ни возражений.

Итак, медленный прогресс (Вильсон, Яцунский) или регресс (Ковальченко, Нифонтов) – вот суть двух взглядов на положение российского земледелия в первой половине XIX в. Чем вызваны расхождения и кто в конце концов прав? Если принимать во внимание все имеющиеся на настоящий момент данные, то нельзя говорить ни о понижении, ни о повышении уровня сельскохозяйственного производства в первой половине XIX в. – можно констатировать колебания вокруг некоторого среднего уровня. Тенденция просматривается, если ограничиться начальной и конечной точкой периода, 1810 и 1850-ми гг. Данные Ковальченко и Нифонтова свидетельствуют о понижении, а Вильсона и Яцунского – о повышении сборов зерновых на душу населения. Причина расхождений заключается в отношении к точности сведений губернаторских отчетов, на которых эти оценки основывались.

По единодушному мнению специалистов XIX в., данные губернаторских отчетов занижали урожайность и, значит, сборы зерновых от 10% до 30%⁹. Причина в том, что процедура сбора данных о посевах и урожае хлебов по всей России, с одной стороны, в принципе не могла дать точной информации, а с другой - занижала действительные урожаи. Защитник официальной статистики урожаев А. С. Нифонтов, пытавшийся в своей книге представить сбор урожайных сведений как объективную, обоснованную и четко определенную процедуру, признает, что точной инструкции вообще не существовало, а в имевшихся

узаконениях на этот счет не указывались принципиальные параметры процедуры - как измерять посе́вы, как, когда, где и в каком числе селений для каждого уезда нужно производить пробные у́молоты для определения величины урожая, наконец, как оценивать сбор зерновых.¹⁰ На практике оценка посе́ва и сбора хлебов осуществлялась следующим образом. В октябре, после жатвы, по инициативе коронных властей в нескольких селениях каждого уезда производились пробные у́молоты, на основе которых устанавливалась урожайность зерновых в данном году в самах (число самов показывало, во сколько раз сбор превосходил посе́в) для всего уезда. Никакого научного или просто обоснованного подхода к выбору селений и их числа не существовало. Между тем российские уезды занимали огромную площадь и урожайность в разных частях уезда, в отдельных селениях, у крестьян и помещиков существенно различалась. Далее предводители дворянства, палаты государственных имуществ и удельные конторы собирали сведения о собранном хлебе в помещичьей, государственной и удельной деревне и представляли их в губернские комиссии для продовольствия, где они суммировались. Основываясь на пробных у́молотах и общем сборе хлеба, комиссии оценивали величину посе́ва путем деления величины сбора на урожайность. Специальные органы и лица, ответственные за сбор урожайных сведений, отсутствовали. Сложное и тонкое дело оценки урожая отдавалось на усмотрение местных коронных властей, а фактически находилось в компетенции сельских выборных, самих крестьян и помещиков - ведь именно они производили пробные у́молоты и оценивали величину собранного хлеба. Занижение сбора хлебов достигалось также и преуменьшением посе́вов, так как при желании занизить сбор хлебов - это самый легкий и самый надежный способ. Если величину урожайности, сообщаемую земледельцами, в какой-то мере может проверить каждый сведущий в сельском хозяйстве человек, то проконтролировать величину указываемого посе́ва без помощи землемера в принципе невозможно. Между тем измерение посе́вных площадей впервые было проведено только в 1880-е гг., причем весьма ориентировочно, потому что точная оценка посе́вов в масштабе России требует огромных затрат времени и средств.

Нужно быть полным идеалистом и совершенно не знать психологии крестьян и помещиков, чтобы верить, что в первой половине XIX в. они делали все сложнейшие измерения настолько точно, что «данные официальной статистики урожаев не требуют особых поправок»¹¹. Для крестьян было насущной потребностью, более того - делом чести обмануть местных чиновников¹², в данном случае занижить как урожай, так посевы и сбор хлеба в целом. И крестьяне, и помещики из-за опасения дополнительных поборов зерна и фуража стремились занижить данные о сборе¹³. Кроме того, наблюдалась и элементарная халатность и некомпетентность. Крестьянин И. В. Васильев, считавшийся образцовым волостным писарем в государственной деревне Пошехонского уезда Ярославской губернии в 1840-1850-е гг., так описывает составление статистической отчетности: «Я тогда был еще молод, в силах и не прочь был заняться более полезным, чем лицевой стороной канцелярии, пособать на местах статистических сведений и проч., да времени не доставало. Поэтому громады разных сведений: о народонаселении, скоте, посевах и урожаях и пр. писались из головы, кто как сумеет соврать, только бы остатки предшествующего года были те же, да счет по столбцам ведомостей продольный и поперечный сходился по проверочной прокладке»¹⁴. Напомним, что даже сельскохозяйственная перепись не дает точных сведений о посевах и урожаях. Наконец, социологами установлена важная закономерность: бедные преуменьшают уровень своего благосостояния, богатые его преувеличивают, средние слои оценивают себя адекватнее¹⁵. Крестьянство как бедное податное сословие, сообщая о себе сведения, стремилось преуменьшить все показатели своего благосостояния.

Зная о практике сбора урожайных и посевных сведений и о склонности и потребности земледельцев их занижать, петербургские и московские экономисты 1840-1850-х гг. вносили соответствующие поправки. Причем делали это не из-за желания поддержать официальную версию о высоком жизненном уровне населения и процветании николаевской России, как полагал Нифонтов¹⁶ (в большинстве своем ученые середины XIX в. в явной или скрытой форме были противниками крепостного права), а чтобы увязать разные статистические данные в

систему. Они справедливо полагали, что Россия как страна, в которой рынок играл важную роль в регулировании хозяйственной жизни в 1840-1850-е гг., не могла в значительных количествах экспортировать хлеб или переводить его на спирт, если бы его производство было недостаточным¹⁷. Иными словами, они применяли метод проверки урожайности по потреблению, который вошел в практику через 80 лет под названием балансового метода, основываясь на простой идее - не может быть потреблено хлеба меньше, чем его произведено¹⁸. И. И. Вильсон, известный русский ученый и одновременно чиновник, автор «Объяснений к хозяйственно-статистическому атласу Европейской России», выдержавшим в 1850-1860-х гг. четыре издания, предложил свои поправки: он считал необходимым увеличить официальные сборы озимых на 25% и яровых – на 16%¹⁹. По мнению В. К. Яцунского, эти поправки в сторону увеличения урожаев для черноземных губерний были чрезмерными, а для нечерноземных губерний - недостаточными. Однако, с общей оценкой сбора хлебов, сделанной Вильсоном, он согласился²⁰. Но мне кажется, что Вильсон был ближе к истине, чем Яцунский, потому что даже в начале XX в. официальные валовые сборы зерна занижали истинный уровень по крайней на 19.3%²¹ (подробнее об этом ниже).

Таким образом, если вносить поправки в официальные урожайные данные, то нужно делать это не только для 1850-х гг., как сделал это Яцунский, но для всего дореформенного периода и тогда следует признать, что общие сборы хлебов имели тенденцию увеличиваться пропорционально росту численности населения, а сборы на душу населения колебались в зависимости, в первую очередь от изменения погоды и соответственно урожайности. Напомним, что в 1811-1860 гг. происходило потепление климата: среднегодовая температура повысилась с 2.61 до 3.32 градуса по Цельсию²². Однако в нашем случае важно не само по себе производство, а то, насколько оно удовлетворяло потребности населения в хлебе. Ответ на этот вопрос дают данные табл. 2. Прежде чем их комментировать, поясним, как они получены.

Таблица 2. Оценка потребления хлеба и картофеля населением в 50 губерниях Европейской России в 1801-1860 гг.

	Единица измерения	1800-е гг.	1810-е гг.	1820-е гг.	1830-е гг.	1840-е гг.	1850-е гг.
--	-------------------	------------	------------	------------	------------	------------	------------

Валовой сбор	млн тонн	19.9	22.34	20.29	22.66	26.43	26.64
Валовой сбор с 10% поправкой	млн тонн	21.89	24.57	22.32	24.93	29.07	29.30
Урожайность	сам	3.31	3.33	3.21	3.24	3.38	3.34
Чистый сбор с 10%-поправкой	млн тонн	15.28	17.19	15.37	17.23	20.47	20.53
Продовольствие и фураж для городов	млн тонн	1.20	1.27	1.27	1.38	1.45	1.53
Провиант и фураж для армии	млн тонн	0.24	0.22	0.26	0.25	0.3	0.34
Винокурение	млн тонн	0.7	0.7	0.54	0.6	0.67	0.74
Экспорт	млн тонн	0.22	0.34	0.3	0.41	0.68	1.00
Товарный хлеб	млн тонн	2.36	2.53	2.37	2.64	3.10	3.61
Товарный хлеб в валовом сборе	%	10.8	10.3	10.6	10.6	10.7	12.3
Продовольствие и фураж для деревни	млн тонн	12.92	14.66	13.00	14.59	17.37	16.92
Население сельское	млн	35.4	39.7	42.1	45.8	48.0	50.8
Население городское	млн	3.9	4.2	4.2	4.5	4.7	5.0
Хлеб и фураж для деревни на д. н.	кг	365	369	309	319	362	333
Норма хлеба на едока	кг	287	287	287	287	287	287
Норма фуража	кг	18	18	18	18	18	18
Норма хлеба и фуража на человека	кг	305	305	305	305	305	305
Индекс удовлетворения хлебом	287 кг=100	127	129	108	111	126	116
Индекс удовлетворения хлебом и фуражом	305 кг=100	120	121	101	105	119	109
Рост мужчин	см	162.7	164.3	164.0	164.5	164.9	164.5

Сведения касаются *Европейской* России без Польши, Финляндии, предкавказских губерний. Оценка была бы более корректной, если бы относилась ко *всей* России, потому то важные потребители товарного хлеба – экспорт, армия и винокурение нередко оценивались экспертами применительно ко всей стране, а не для отдельных ее частей.

Валовые сборы хлебов и с 1840-х гг. картофеля определены по губернаторским отчетам²³ и, чтобы компенсировать занижение сборов, *увеличены на 10%*; чистые сборы хлебов также оценены с десяти процентной поправкой на основе погодной урожайности за 1801-1860 гг., приведенной в работе В. Г. Михайловского²⁴. При пересчете картофеля в зерно принимается поправочный коэффициент: 1 четверть зерна равна 3 четвертям картофеля.

Данные об экспорте хлеба взяты из книги В. И. Покровского. Поскольку они охватывают только главные хлеба - рожь, пшеницу, овес и ячмень, то их пришлось увеличить на 6% - на долю второстепенных хлебов и муки в экспорте 1850-х гг.²⁵

Количество зерна, потребляемое армией на провиант и фураж, было определено, опираясь на численность вооруженных сил, число лошадей и нормы потребления хлеба солдатами (3 четверти на едока в год) и овса лошадьми (примерно 8 четвертей на лошадь в год)²⁶. Наш расчет относится к 50 губерниям. Поскольку около 40% армии дислоцировалось за

их пределами и снабжалось местным продовольствием, общая потребность армии в зерне для всей России уменьшена на 40%²⁷.

О расходе зерна и картофеля на винокурение в 1850-е гг. имеются прямые данные²⁸. За 1819-1826 и 1846-1859 гг. мы располагаем сведениями только о потребленной водке²⁹, поэтому количество израсходованного хлеба вычислено, основываясь на эмпирической закономерности - производство ведра водки требовало около 1 пуда зерна³⁰. Значительное количество ячменя шло на производство солода для пивоварения. Нам известны сведения об этом только для пореформенного времени; они показывают, что на производство пива уходило до 15% всего хлеба для винокурения и пивоварения.³¹ По этой пропорции и оценено примерное количество ячменя, израсходованного на производство пива в дореформенное время. Данные за годы, по которым нет сведений, могут быть получены путем интерполяции.

Данные о заготовках для армии, о винокурении и пивоварении являются ориентировочными. Однако, как оказалось, общие расходы хлеба на эти нужды были столь небольшими, что даже значительные погрешности не могут серьезно повлиять на общие выводы о хлебном балансе страны.

Общая численность населения берется на середину десятилетнего интервала, т.е. на 1805, 1815, 1825, 1835, 1845, 1855 гг., по сведениям ревизского учета, о городском и сельском населении – по данным административно-полицейского учета с применением интерполяции по среднегодовым темпам роста населения³².

Как показывает расчет, чистые сборы зерновых и картофеля уменьшались сравнительно с предыдущим десятилетием дважды – в 1821-1830 и 1851-1860 гг. Именно в эти десятилетия происходило сокращение продовольственного хлеба до степени дефицита и понижалась средняя длина тела мужчин. Количество продовольственного хлеба тесно коррелировало с урожайностью, но слабо зависело от спроса. В сбор хлебов была внесена минимальная 10-процентная поправка, хотя на самом деле он был занижен более чем на 10%.

В течение всей первой половины XIX в. потребности в хлебе удовлетворялась примерно в одинаковой степени в соответствии с продовольственной нормой, что позволяет предположить - хлеба производилось столько, сколько требовалось, а погода слегка корректировала величину его сбора. С учетом картофеля, который крестьяне с 1840-х гг. стали разводить по инициативе коронных властей, общие потребности в продовольствии скорее всего стали удовлетворяться в лучшей степени, чем в 1820-1830-е гг.: картофель на 10% увеличил продовольственный потенциал крестьянского хозяйства. Крестьянам, за исключением неурожайных лет, хватало произведенных продуктов для удовлетворения своих потребностей. Оставшийся избыток зерна шел на продажу; на вырученные деньги покупались необходимые продукты и промышленные товары, которые не производились в домашнем хозяйстве.

Хлеб был главным продуктом питания, хотя, конечно, не хлебом единым был жив человек. К сожалению, данные об обеспеченности скотом, также весьма ориентировочные и заниженные, появляются только в 1850-е гг. Согласно им в 1859-1864 гг. в среднем по Европейской России на 100 сельских жителей приходилось 34.4 головы крупного рогатого скота,³³ а на хозяйство – 2.9³⁴. Практически в каждом крестьянском хозяйстве была взрослая корова. Типичная корова доилась от 25 до 30 недель в году и давала за это время не более 850 литров³⁵, значит, в день - 4-5 литров молока. Крестьяне имели довольно много овец – 71.9 на 100 человек, 6 - на хозяйство; но в рассматриваемое время овцы держались главным образом ради шерсти, а не мяса. Разведение свиней и коз не получило в России распространения – на 100 жителей приходилось лишь по 15.4 свиньи и 2.3 козы, а на хозяйство – соответственно по 1.3 и 0.2³⁶. Имеющиеся сведения за 1845-1871 гг. показывают, что численность скота изменялась, без явно выраженной тенденции (см. табл. 3)³⁷.

Таблица 3. Численность скота в Европейской России в 1850-1871 гг. (тысяч голов)

Год	Крупный рогатый скот	Овцы	свиньи
1845	22076	-	-
1851	20962	37627	8594
1856	21351	40705	8806
1861	20708	42479	9092
1866	21634	44263	9313
1871	21604	44841	9404

Источник: Объяснения к хозяйственно-статистическому атласу Европейской России. СПб., 1851. С. 61; Доклад высочайше учрежденной Комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности в России. СПб., 1873. С. 16.

2. 1861-1913 гг.

В пореформенное время, по единодушному мнению исследователей, динамика сборов зерновых и картофеля на душу населения обнаружила устойчивый и значительный рост. По официальной статистике чистые сборы этих культур на душу населения с 1860-х гг. до 1909-1913 гг. увеличились в 1.5 раза - с 316 до 474 кг (см. табл. 4).

Таблица 4. Динамика сбора зерновых и картофеля в Европейской России в 1861-1913 гг. на душу всего населения в год по официальным данным (кг)*

Годы	1850-е гг.	1861-1870 гг.	1871-1880 гг.	1881-1890 гг.	1891-1900 гг.	1909-1913 гг.
Валовые сборы	477	459	473	470	514	569
Чистые сборы	334	323	345	356	406	474

* За 1851-1900 гг. по сведениям губернаторских отчетов без поправок, за 1909-1913 г. – по сведениям ЦСК.

Источники указаны в примечании к табл. 5.

Однако официальные данные по-прежнему были заниженными. В 1864-1880 гг. обязанности губернских комиссий народного продовольствия были возложены на земские органы, однако процедура сбора сведений о собранном хлебе не изменилась, соответственно осталась невысокой и точность полученной информации. В начале 1880-х гг. произошла реформа урожайной статистики – переход к выборочному учету сборов и посевов посредством корреспондентов. С 1880 г. Департамент земледелия и сельской промышленности стал собирать сведения от добровольных корреспондентов из числа крестьян и частных землевладельцев. С 1883 г. Центральный статистический комитет (ЦСК) наладил сбор сведений через волостную администрацию: в каждую волость для обязательного заполнения посылались вопросные бланки о посевах, сборе и урожае по шесть для крестьян и для частных землевладельцев. Из поступивших сведений выводились средние цифры посева и сбора для каждого хлеба. Но для получения информации о сборе хлебов по губерниям и стране в целом необходимо было знать величину посевных площадей, сведения о которых стали регулярно собираться начиная с 1881 г.

А. Ф. Фортунатов – крупнейший знаток сельскохозяйственной статистики России XIX в., установил, что за 1883-1889 гг. урожаи ржи по сведениям губернаторских отчетов на 6.9% ниже, чем по сведениям ЦСК³⁸. Цифры ЦСК об урожаях ржи за 1883 г. по 49 губерниям были на 20% ниже данных Департамента земледелия³⁹, а за 1883-1915 гг. для всех зерновых - на 5-7% ниже⁴⁰. По сведениям земской статистики за 1883-1889 гг. в 124 уездах, урожаи на крестьянских землях были на 7.1%, а на частновладельческих – на 19% выше, чем по сведениям ЦСК⁴¹. Если за критерий точности урожайных сведений взять 10-15-процентное отклонение от подлинного уровня, то даже в 1885-1912 гг. только средние многолетние данные о сборе и урожаях хлебов могут служить достаточно надежным показателем изменения уровня земледелия; погодные же данные колебания принятому критерию не соответствуют⁴².

К таким же примерно выводам пришла Н. М. Виноградова, тщательно изучившая методику сбора урожайных данных Департаментом земледелия, ЦСК и земствами в 1883-1915 гг. и ее влияние на точность учета урожая⁴³. Она установила, что департаментские сведения в большей степени основывались на ответах землевладельцев, чем крестьян. Поскольку число наблюдений было недостаточно, чтобы точно определить урожайность, Департамент земледелия был вынужден постоянно дополнять их данными ЦСК. В силу этого урожайная статистика Департамента, по мнению эксперта, не представляла собой оригинального источника, и анализировать ее не имело смысла⁴⁴.

ЦСК, согласно инструкции, должен был собирать сведения через добровольных корреспондентов отдельно для крестьян и землевладельцев посредством анкетного опроса 12 человек из каждой группы на волость. Виноградова предположила, что землевладельцы в соответствии с инструкцией давали свои показания индивидуально, а вместо крестьян анкеты заполнялись волостными писарями, основываясь на своих субъективных оценках, или, по крайней мере, писари корректировали показания крестьян в соответствии со своими оценками среднего в волости урожая. Вследствие этого сведения ЦСК за 1883-1915 гг. отражали скорее всего средние урожаи в волости по оценке писарей, которых Виноградова считала надежными

экспертами. Признавая, что в пользу такого заключения «прямых и решающих доводов нет», автор приводит два косвенных аргумента: (1) традицию сбора урожайных сведений через волостные правления и (2) критику поступивших сведений за 1883 г. со стороны ЦСК, отметившего «однообразие ответов для всех вопросных листков для целой волости, видимо, писанных одной рукой писаря»⁴⁵. Предположение об участии сельской администрации в оценке урожая представляется правильным. В 1883 г. процент грамотных крестьян мужского пола в возрасте старше 9 лет составлял всего 30%⁴⁶, но даже элементарно грамотный крестьянин едва ли мог правильно заполнить анкету. Кроме того, точное измерение урожая не только не было в обычае среди крестьян, но даже многим казалась грехом. Эти обстоятельства в большинстве случаев вынуждали писарей лично заполнять анкеты и таким способом участвовать в оценке урожая. Что касается традиции правильного сбора урожайных сведений, то она могла иметь значение, правда, в том случае, если дело выполнялось более или менее удовлетворительно. Поскольку сразу после введения нового порядка сбора урожайных сведений в 1881 г. сельская администрация с задачей справлялась, то это косвенно указывает на то, что навык и умение действительно сложились в более раннее время.

Урожайные данные земств собирались разными способами – сельской администрацией (волостными правлениями и сельскими старостами), добровольными корреспондентами (а) об урожаях на собственных землях, (б) об урожаях у соседей и (в) о среднем урожае в волости. В разные годы земства собирали сведения различными способами, отдавая предпочтение добровольным корреспондентам. Из 34 губерний 11 начали сбор сведений в 1885-1890 гг., еще 17 в следующее десятилетие, оставшиеся с 1901 г. На примере 9 земских губерний Виноградова установила, что, по сведениям корреспондентов, урожаи в собственных хозяйствах они оценивали в среднем на 6.5% выше, чем у соседей или в среднем по волости (амплитуда колебаний 4-21%); в одной, Уфимской, губернии, наоборот, - на 15.4% ниже)⁴⁷. На примере других 8 губерний эксперт обнаружила, что урожаи по сведениям сельской администрации были в среднем на 10.4% ниже, чем по сведениям добровольных корреспондентов о средних

урожае (амплитуда колебаний 1-17%), а в Орловской губернии в 1905-1910 гг. – даже на 31% ниже⁴⁸.

Сравнивая данные ЦСК и земств, Виноградова установила, что годовая изменчивость урожаев по сведениям земств и ЦСК была достаточно согласованной, о чем говорит высокий коэффициент корреляции погодных губернских урожаев по обоим источникам, равный 0.84-0.99⁴⁹. Что касается уровня урожая, то комитетские цифры чаще всего были ниже земских - в среднем по 16 губерниям за разные годы на 6.3% ниже. При этом различия по отдельным губерниям колебались в пределах от (-) 2% до (+) 31.1, в 4 случаях комитетские данные были на 1-2% выше земских и в одном случае совпали. Как указано выше, почти такую же разницу зафиксировал для 1883-1889 гг. А. Ф. Фортунатов - 7.1%. Принимая, что земские данные отражали истинный уровень урожаев, Виноградова заключила: «Если признать, что корреспондентские данные вообще могут быть несколько повышенными, то из всех приведенных данных вытекает, по-видимому, с достаточной убедительностью, что данные ЦСК *устанавливали уровень урожая очень близко к действительности*»⁵⁰. Принятие данных земской статистики за истинный уровень урожаев является большой натяжкой, так как крестьяне в той же степени не доверяли земствам, как и ЦСК, и вряд ли могли сообщать тем и другим правильные сведения. А не установив действительного уровня урожаев, нельзя в принципе оперировать понятием «действительный урожай». Если же все-таки признать земские данные за истинный уровень, то все равно данные ЦСК были ниже его в среднем на 6.3%.

Суммируем все оценки точности урожайной статистики. Если наименее достоверные сведения губернаторских отчетов об урожае на крестьянских землях принять за сто, то данные ЦСК были 6.9% выше, Департамента земледелия – на 12.9% выше, земских корреспондентов – на 14% выше в 1883-1889 г. (Фортунатов) и на 13.2% выше в 1890-1915 гг. (Виноградова). Качество учета урожаев в 1883-1915 гг., по-видимому, повышалось. Однако каков истинный уровень урожаев, оставались вопросами открытыми. Попытка его решения была предпринята в 1920-е гг. Центральным статистическим управлением. Столкнувшись с фактом, что по

официальным сведениям существует дефицит хлеба, а на самом деле его нет, государственная статистика стала применять *балансовый метод* проверки урожайности по потреблению. Суть его сводилась к учету всех потребителей зерновых – семян, экспорта, промышленности и личного потребления по фактическому потреблению, о чем имелись соответствующие сведения. Оказалось, что итоги валовых сборов по сведениям ЦСК за 1906-1914 гг. были занижены примерно на 19.3%, в том числе примерно на 9% по урожайности и на 10% по посевам. В годы продразверстки и продналога, 1918-1924 гг., когда у крестьян несомненно появились причины для занижения сборов хлебов, урожаи стали преуменьшаться минимум на 30-32%, а посевы – на 16%, валовые сборы в целом – на 51-59%⁵¹. Другими словами, даже удовлетворительные данные ЦСК в дореволюционное время занижали уровень урожаев на 9-10%, примерно на столько же величину посевов, а валовые сборы в целом – на 19-20%.

Недоучет официальной сельскохозяйственной статистикой сборов зерновых был хорошо известен исследователям; и, чтобы как-то его компенсировать, некоторые из них (И. И. Вильсон, В. К. Яцунский, В. Г. Михайловский и др.) вносили поправки в официальные данные. Сделаем это и мы. Принимая во внимание занижение урожаев и посевных площадей в официальной статистике, следовало бы внести 27%-поправку в данные губернаторских отчетов за 1861-1900 гг. и 20%-поправку в сведения ЦСК за 1901-1913 гг. Однако даже при 10%-поправке дефицита зерна в пореформенное время не наблюдалось (см. табл. 5).

Сам по себе рост зернового производства не говорит о росте потребления хлеба, так как может сопровождаться увеличением расхода хлеба на непродовольственные нужды и экспорт. Поэтому, определив основные статьи расхода зерновых и картофеля⁵², оценим величину этих продуктов, шедших непосредственно на потребление сельского населения⁵³ (см. табл. 5). Расчеты показывают, что в 1860-1880 гг. потребление крестьянством зерновых и картофеля снизилось с 320 до 317 кг на душу населения - на 1%, в 1880-е гг. было стабильным, а в 1890-1913 гг. увеличилось с 317 до 356 кг. - на 12.3%. Даже в 1861-1880 гг. произведенного зерна было достаточно для удовлетворения потребностей крестьянства в питании и корме скоту и птице.

Нужно иметь в виду, что сделанный расчет относится только к 50 губерниям Европейской России. Между тем плодородные предкавказские губернии, Кубанская, Ставропольская, Терская, Черноморская, а также и западносибирские Енисейская, Тобольская и Томская губернии обладали значительными хлебными излишками, которые поступали в местности, испытывавшие дефицит в хлебе и на экспорт⁵⁴.

Таблица 5. Оценка потребления хлеба и картофеля населением в 50 губерниях Европейской России в 1860-1913 гг.

	Единица измерения	1860-е гг.	1870-е гг.	1880-е гг.	1890-е гг.	1909-1913 гг.
Средний валовой сбор (официальные данные)*	млн. тонн	28.59	32.85	38.43	46.97	68.6
Средний валовой сбор (с 10%-поправкой)	млн. тонн	31.45	36.14	42.27	51.67	
Семена	млн. тонн	8.45	8.94	9.29	9.86	11.42
Продовольствие и фураж для городов	млн. тонн	1.87	2.21	2.86	3.46	5.72
Армия	млн. тонн	0.64	0.64	0.64	0.72	1
Винокурение	млн. тонн	1.02	1.15	1.24	1.35	1.27
Экспорт	млн. тонн	1.55	3.69	5.51	6.49	11.87
Товарный хлеб	млн тонн	5.08	7.69	10.25	12.02	19.86
Товарный хлеб	%	16.2	21.3	24.2	23.3	29.0
Продовольствие и фураж для деревни	млн. тонн	17.92	19.51	22.73	29.79	37.32
Население сельское	млн	56.0	61.6	71.8	79.7	104.8
Население городское	млн	6.3	7.8	10.0	11.7	15.8
Продовольствие и фураж для деревни на д. н.	кг	320	317	317	374	356
Норма зерна на едока	кг	287	287	287	287	287
Норма фуража	кг	18	18	18	18	18
Норма хлеба и фуража на человека	кг	305	305	305	305	305
Индекс удовлетворения хлебом	287 кг=100	111	110	110	130	124
Индекс удовлетворения хлебом и фуражом	305 кг=100	105	104	104	123	117
Рост	см	164.1	166.5	167.3	166.7	168

* За 1851-1900 гг. по сведениям губернаторских отчетов, за 1909-1913 г. – ЦСК без 10%-поправки.

Подсчитано по: Бескровный Л. Г. Армия и флот России в начале XX в.: Очерки военно-экономического потенциала. М., 1986. С. 12-15; Нифонтов А. С. Зерновое производство России во второй половине XIX века. С. 143, 211, 310; Рашин А. Г. Население России за 100 лет. М., 1956. С. 46-47, 95, 98; Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год восьмой. Пг., 1915. С. 32-33, 180-181, 338; Сборник статистических сведений по истории и статистике внешней торговли России. Т. 1. С. 2-6.

По официальным сведениям местной коронной администрации, численность скота на душу сельского населения в пореформенное время сокращалась: с 1864-1869 гг. по 1913 г. число лошадей уменьшилось на 43%, крупного рогатого скота - на 37%, мелкого – в 2.1 раза (см. табл. 6).

Таблица 6. Численность крестьянского скота в 50 губерниях Европейской России в 1864-1916 гг.

Скот	1864-1869 гг.	1870 г.	1880 г.	1890 г.	1900 г.	1913 г.	1916 г.
Лошадей, тыс.	15499	15031	16544	17965	16539	19075	22126
Лошадей на 1000 душ населения, голов	248	258	237	230	181	174	253
Крупный рогатый скот, тыс.	20966	19996	21140	22679	26600	26863	39028
Крупный рогатый скот на 1000 душ населения, голов	335	343	303	290	291	244	447
Мелкий скот, тыс.	54954	49580	48743	47932	49489	45681	80364
Мелкий скот на 1000 душ населения, голов	879	852	688	614	542	418	920
Мелкий и крупный скот в переводе на крупный, тыс.	26461	24924	26014	27472	31549	31431	47064
Мелкий и крупный скот в переводе на крупный на 1000 душ населения, голов	423	428	373	352	346	287	539

Подсчитано по: Доклад высочайше учрежденной Комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности в России. С. 16; Материалы высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. Комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 г. по 1900 г. благосостояния сельского населения среднеземледельческих губерний сравнительно с другими местностями Европейской России. СПб., 1903. Ч. 1. С. 201-214; Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год девятый. Пг., 1916. С. 238-239; То же. Год десятый. Пг., 1917. С. 235-236; Статистический сборник за 1913-1917 гг. Вып. 1. М., 1921. С. 184-185; Рашин А. Г. Население России за 100 лет. С. 46, 95. Крупный рогатый скот – только коровы; мелкий скот - овцы, козы и свиньи; 10 голов мелкого скота принимаются за 1 голову крупного.

Однако официальные данные преуменьшают численность скота в еще большей степени, чем сборы хлебов. Первая сельскохозяйственная перепись 1916 г., проведенная в условиях войны, когда поголовье скота несомненно сократилось сравнительно с довоенным хотя бы вследствие реквизиции около 2.6 млн. лошадей и волов для нужд армии⁵⁵, обнаружила, что лошадей было на 16% больше, крупного рогатого скота – на 45%, мелкого – на 83% больше, чем в 1913 г.⁵⁶ Абсолютная численность скота в 1913 г. была преуменьшена по крайней мере на 50%, а на 1000 человек населения – на 88%. Выборочная перепись 1917 г. дала примерно такие же результаты, что говорит о том, что данные переписи 1916 г. не преувеличены⁵⁷. При этом вряд ли крестьянство сообщило переписчикам в 1916-1917 гг. абсолютно точные сведения – скорее всего оно хотя бы немного их преуменьшило. Кроме того, нужно принять во внимание, что мы учитываем скот в 50 губерниях Европейской России, в то время как особенно быстрый рост поголовья скота в пореформенное время наблюдался на окраинах – в Сибири, Предкавказье, Закавказье, Средней Азии⁵⁸. Об этом говорят следующие данные: в 1914 г. в

империи без Польши и Финляндии было забито на мясо 19.9 млн. голов крупного и мелкого скота, на долю окраин приходилось 29% произведенного мяса и только 20% населения⁵⁹. По причине неточности статистики животноводства рискованно давать оценки как уровня производства мясомолочной продукции, так и ее динамики. Тем не менее значительный и постепенно увеличивающийся экспорт скота, мяса и молочных продуктов говорит в пользу того, что дефицита мясомолочной продукции в пореформенное время не наблюдалось. В 1851-1855 гг. было экспортировано 139 тыс., в 1871-1875 гг. – 1116 тыс., в 1891-1895 гг. – 323, в 1909-1913 гг. – 113 тыс. голов крупного и мелкого скота, а мяса в 1876-1880 гг. – 1.376 тыс. тонн, в 1891-1895 гг. – 3.931 в 1909-1913 гг. – 14.645 тыс. тонн⁶⁰. В денежном выражении в 1851-1855 гг. экспорт скота и мяса (1160 тыс. руб. золотом) превосходил импорт (159 тыс. руб. золотом) на 1 млн. руб., а в 1909-1913 гг. – на 7.769 млн. руб. золотом (см. табл. 7).

Таблица 7. Экспорт и импорт скота, мяса, рыбы, животного сала и молочной продукции в 1909-1913 гг. в Российской империи без Финляндии.

	Экспорт	Импорт	Баланс		Экспорт	Импорт	Баланс
Живой скот, тыс.	233.8	839.2	-605.4	тыс. руб.	1788.8	11568.3	-9779.5
Домашняя птица живая, тыс.	9294.6	110.7	9183.9	тыс. руб.	8244.2	74	8170.2
Битая птица, тыс.пуд.	779.9	0	779.9	тыс. руб.	5637.2	0	5637.2
Дичь битая, тыс. пуд.	81.3	56.6	24.7	тыс. руб.	516.5	266.2	250.3
Мясо, тыс. пуд.	900.9	694.5	206.4	тыс. руб.	6470.1	3079.4	3390.7
Молочных продуктов, тыс. пуд.	5089.7	1079.1	4010.6	тыс. руб.	64296.4	3008.7	61287.7
Сало животное, тыс. пуд.	32.7	2823.6	-2790.9	тыс. руб.	2823.6	13293.8	-10470.2
Рыба, тыс. пуд.	2152.4	21379.5	-19227.1	тыс. руб.	4417.5	33001.7	-28584.2
Итого				тыс. руб.	94194.3	64292.1	29902.2

Источник: Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год девятый. С. 328-331, 338-339.

С 1856 по 1913 г. численность населения в империи без Финляндии увеличилась с 69.6 до 168.8 млн. или в 2.42 раза⁶¹, а чистый экспорт скота и мяса – в 7.8 раза. Поскольку экспорт обгонял рост населения, можно предположить, что и производство мяса в России обгоняло рост населения, вероятно, благодаря увеличению поголовья скота и увеличению его продуктивности⁶².

Важным подспорьем в питании служили дичь, рыба, птица, мед, грибы, овощи и фрукты, но сколько-нибудь точными сведениями мы об этом не располагаем. Какое-то представление

дают следующие данные. Больше всего рыбы давало Каспийское море – две трети всей товарной рыбы: в 1860-е гг. там вылавливалось около 12 млн. пудов (в т.ч. белуги - 475 тыс. пудов, осетров – 405, севрюги – 665, стерляди – 51, осетровой икры – 139 тыс. пудов), весь беломорский улов оценивался в 600 тыс. пудов, в т.ч. 150 млн. штук сельдей и 250 тыс. пудов трески⁶³. В пореформенное время улов сокращался⁶⁴, но оценить его величину невозможно, потому что сведения за 1905-1914 гг. по отдельным бассейнам приводились в разных единицах измерения⁶⁵.

Результаты промысловой охоты только в десяти европейских (Архангельской, Вологодской, Вятской, Казанской, Новгородской, Олонецкой, Пермской, Тверской, Уфимской, Ярославской) и семи сибирских губерниях (Амурской, Енисейской, Забайкальской, Приморской, Сахалинской, Тобольской и Томской) в 1913 г. ориентировочно составили 3.6 млн. штук дикой птицы (рябчиков, тетеревов, глухарей, уток, гусей и т.д.), в т.ч. в 10 губерниях Европейской России 2.7 млн.⁶⁶ Производство меда в 1910 г. в 50 губерниях Европейской России оценивалось в 1549 тыс. пудов, по 218 г. на душу населения⁶⁷. По данным переписи 1920 г. 75% крестьянских хозяйств держали кур, уток и гусей, в среднем по 6 на двор⁶⁸; вероятно, до войны и революции 1917 г. птицы держали больше.

Таким образом, производство основных продуктов питания на душу населения как до, так и после Великих реформ в целом удовлетворяло существовавшие в то время потребности населения в продовольствии. В пореформенное время эти потребности увеличивались, соответственно росло и производство продуктов питания. В пользу этого вывода свидетельствуют и антропометрические данные: длина тела у мужчин с конца XVIII в. по начало XX в. увеличилась на 7.7 см (со 161.3 до 169 см), вес - на 7 кг (с 58 до 65 кг), что было возможно только при условии улучшения питания⁶⁹. Можно сколько угодно сомневаться по поводу того, надежна официальная урожайная статистика или нет, но бесспорно, что увеличение роста и веса не могло состояться без улучшения питания, а последнее – без прогресса сельского хозяйства.

Примечания

¹ *Андросов В.* Хозяйственная статистика России. М., 1827. С. 81-82; *Зябловский Е.* (1) Землеописание Российской империи. СПб., 1815. Ч. 4. С. 19; (2) Российская статистика. М., 1832. Ч. 2. С. 11; *Вильсон И.* Объяснения к хозяйственно-статистическому атласу Европейской России. 4-е изд. СПб., 1869; *Кеппен П.* О потреблении хлеба в России // Журнал Министерства внутренних дел. 1840. № 6. С. 413; *Ковальченко И. Д.* Динамика уровня земледельческого производства России в первой половине XIX в. // История СССР. 1959. № 1. С. 81-83; *Протопопов Д.* О хлебной торговле в России // Журнал Министерства государственных имуществ. 1842. Кн. 3. С. 97; *Тенгоборский Л. В.* О производительных силах России. М., 1854. Ч. 1. С. 196-202; *Яцунский В. К.* Изменение в размещении земледелия в Европейской России с конца XVIII в. до первой мировой войны // Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России / В. К. Яцунский (ред.). М., 1961. С. 130. См. также: *Лященко П. И.* История народного хозяйства СССР. Т. 1. Докапиталистические формации. М., 1952. С. 516-517. Четверть ржи примерно весила 8.825 пуд.

² Две четверти озимого, 0.20 четверти ярового хлеба на человека и 2.5 четверти на каждую лошадь в год: *Вильсон И.* Объяснения к хозяйственно-статистическому атласу Европейской России. С. 106-107. Следует иметь в виду, что овес в значительном количестве использовался в крестьянском рационе, поэтому он не должен учитываться только как фуражная культура.

³ *Попов П. И.* Хлебофуражный баланс: 1840-1924 гг. // Сельское хозяйство на путях восстановления. М., 1925.

⁴ *Ковальченко И. Д.* Динамика уровня земледельческого производства России в первой половине XIX в. С. 77, 80.

⁵ *Яцунский В. К.* Генезис капитализма в сельском хозяйстве России // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1959. М., 1961.

⁶ *Яцунский В. К.* Изменение в размещении земледелия в Европейской России с конца XVIII в. до первой мировой войны. С. 128-131.

⁷ *Ковальченко И. Д.* Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в. М., 1967. С. 378-385.

⁸ *Нифонтов А. С.* Зерновое производство России во второй половине XIX века: По материалам ежегодной статистики урожаев Европейской России. М., 1974. С. 141, 143.

⁹ *Тенгоборский Л. В.* О производительных силах России. Ч. 1. С. 196-202; *Вильсон И. И.* Объяснений к хозяйственно-статистическому атласу Европейской России. С. 75-87; *Фортунатов А.* Урожай ржи в Европейской России. М., 1893. С. 45-60; *Хок С. Л.* Крепостное право и социальный контроль в России: Петровское, село Тамбовской губернии. М., 1993. С. 33-37.

¹⁰ *Нифонтов А. С.* Зерновое производство. С. 34-49.

¹¹ *Нифонтов А. С.* Зерновое производство. С. 69.

¹² *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII-начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. 3-е изд. СПб., 2003. Т. 1. С. 440.

¹³ *Рубинштейн Л. Н.* Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в.: (Историко-экономический очерк). М., 1957. С. 458.

¹⁴ *Васильев И. В.* Мои воспоминания // Воспоминания русских крестьян XVIII-первой половины XIX века. М., 2006. С. 432.

¹⁵ *Градосельская Г.В.* Субъективные и объективные оценки благосостояния // Социологический журнал. 2003. №3. С. 86-98.

¹⁶ *Нифонтов А. С.* Зерновое производство. С. 61-62.

¹⁷ *Кеппен П.* О потреблении хлеба в России. С. 413; *Протопопов Д.* О хлебной торговле в России. С. 97; *Вильсон И.* Объяснения к хозяйственно-статистическому атласу Европейской

России. С. 75-77; *Тенгоборский Л. В.* О производительных силах России. Ч. 1. С. 196-202; См. также: *Лященко П. И.* История народного хозяйства СССР. Т. 1. С. 516-517.

¹⁸ *Струмилин С. Г.* О балансовом методе в урожайной статистике // Струмилин С. Г. Статистика и экономика. М., 1979. С. 232-238.

¹⁹ *Вильсон И. И.* Объяснений к хозяйственно-статистическому атласу Европейской России. С. 75-87.

²⁰ *Яцунский В. К.* Изменение в размещении земледелия в Европейской России. С. 131.

²¹ *Струмилин С. Г.* О балансовом методе в урожайной статистике. С. 235.

²² В Петербурге: Вильд Г. О температуре воздуха в Российской империи. СПб., 1882. Вып. 2. С. 289-291.

²³ *Зябловский Е.* Землеописание Российской империи. Ч. 4. С. 19; *Ковальченко И. Д.* Динамика уровня земледельческого производства России. С. 81-83; *Яцунский В. К.* Изменение в размещении земледелия в Европейской России. С. 130.

²⁴ *Михайловский В. Г.* Урожай в России 1801-1914 гг. // Бюллетень Центрального статистического управления. 1921. № 50. С. 4-5. Без учета 6.3% поправки, вносимой Михайловским.

²⁵ Сборник статистических сведений по истории и статистике внешней торговли России / В. И. Покровский (ред.). СПб., 1902. Т. 1. С. 2-6.

²⁶ *Бескровный Л. Г.* Русская армия и флот в XIX веке: Военно-экономический потенциал России. М., 1973. С. 14, 15, 456-462; Военно-статистический сборник / Н. Н. Обручев (ред.). Вып. 4. Россия. СПб., 1871. Отдел 2. С. 40, 46, 53, 158-160.

²⁷ Например, в 1860-е гг. из 15 военных округов шесть находились за пределами 50 губерний Европейской России: финляндский, варшавский, кавказский, туркестанский, западносибирский и восточносибирский, где размещалось 40% российской армии: Военно-статистический сборник. Вып. 4. Россия. Отд. 2. С. 103; *Золотарев А. М.* Записки военной статистики. СПб., 1885. С. 339.

²⁸ *Нифонтов А. С.* Зерновое производство. С. 209-210.

²⁹ Казенная продажа вина. Изд. Главным управлением неокладных сборов и казенной продажи питей. СПб., 1900. Приложения. С. 56-57, 15, 17, 21, 40, 43.

³⁰ Подсчитано по: Казенная продажа вина. С. 56-57.

³¹ «Энциклопедический словарь» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Т. 54. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1899. С. 293; Ежегодник Министерства финансов. Вып. 1900 года. СПб., 1901. С. 672-673; Ежегодник Министерства финансов. Вып. 1906/7 года. СПб., 1907. С. 394-395. Из пуда ячменя производилось 0.8 пуда солода, из пуда солода – 5.8 ведра пива.

³² *Кабузан В. М.* Народонаселение России в XVIII-первой половине XIX в. М., 1963. С. 164-165; *Рашин А. Г.* Население России за 100 лет (1811-1913 гг.): Статистические очерки. М., 1956. С. 25-29, 44-47; Статистические таблицы Российской империи за 1856 год. СПб., 1858. С. 254, 262; Статистические таблицы Российской империи. СПб., 1863. Вып. 2. С. 182-183; Статистический временник Российской империи. Вып. 1. СПб., 1866. Отд. 1. С. 30-31; Статистический временник Российской империи. Сер. 2. Вып. 10. СПб., 1875. Отд. 1. С. 18.

³³ *Вильсон И. И.* Объяснений к хозяйственно-статистическому атласу Европейской России. С. 348-349.

³⁴ Средняя крестьянская семья в 1850-е гг. включала 8.4 человек: Миронов Б. Н. Социальная история периода империи. Т. 1. С. 221.

³⁵ 850-875 литров в год давали помещицы коровы в 1870-1880-е гг.: Исследование современного состояния скотоводства в России. М., 1884. С. Д-34; *Ковалевский В. И., Левитский И. О.* Статистический очерк молочного хозяйства в северной и средней полосах Европейской России. СПб., 1879. Приложение; *Калантар А. А.* Животноводство // Россия в конце XIX века / Под ред. В. И. Ковалевского. СПб., 1900. С. 183. Удои крестьянских коров в первой половине XIX в. не могли быть большими. Сведения о том, что в 1850-е гг. типичная крестьянская корова давала в год от 1000 до 2000 л в год, следует считать преувеличенными:

Залеский К. В. Сельскохозяйственная статистика Саратовской губернии. СПб., 1859. С. 222. Даже средние удои английских коров в 1880-е гг. составляли 1870 л.: *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи. Т. 2. С. 406.

³⁶ Вильсон И. И. Объяснений к хозяйственно-статистическому атласу Европейской России. С. 346-347.

³⁷ *Тенгоборский Л. В.* О производительных силах России. Ч. 1. С. 271-273.

³⁸ *Фортуатов А.* Урожай ржи в Европейской России. С. 46.

³⁹ *Фортуатов А.* Урожай ржи в Европейской России. С. 48.

⁴⁰ *Обухов В. М.* Движение урожаев зерновых культур в Европейской России в период 1883-1915 гг. // Влияние неурожая на народное хозяйство России / Под ред. В. Г. Громана. Л.: Прибой, 1927. Ч. 1. С. 1. Показания Департамента земледелия и ЦСК коррелировали друг с другом: *Грасс Л. И.* Страхование сельскохозяйственных посевов от неурожая. СПб., 1892. С. 85-90.

⁴¹ *Фортуатов А. Ф.* Урожай ржи в Европейской России. С. 56-57.

⁴² *Иванцов Д. Н.* К критике русской урожайной статистики: Опыт анализа некоторые официальных и земских текущих данных. Пг., 1915. С. 146-149.

⁴³ *Виноградова Н. М.* Русская урожайная статистика: (организация и методы) // Вестник статистики. 1925. № 10-12. С. 29-84; 1926. № 1-6. С. 51-104..

⁴⁴ *Виноградова Н. М.* Русская урожайная статистика // Вестник статистики. 1925. № 10-12. С. 39-43.

⁴⁵ Там же. С. 38-39.

⁴⁶ Там же. С. 35-36.

⁴⁷ *Виноградова Н. М.* Русская урожайная статистика // Вестник статистики. 1926. № 1-6. С. 76, 88.

⁴⁸ Там же. С. 77, 82, 88.

⁴⁹ Там же. С. 90-91.

⁵⁰ Там же. С. 90.

⁵¹ *Струмилин С. Г.* О балансовом методе в урожайной статистике. С. 235.

⁵² Картофель переведен в зерновые по соотношению 3 кг картофеля эквивалентны 1 кг зерна.

⁵³ В отличие от хлебного баланса для первой половины XIX в., хлебный экспорт по данным В. И. Покровского за 1861-1898 гг., охватывавший только главные хлеба - рожь, пшеницу, овес и ячмень и не увеличивался на долю второстепенных хлебов и муки в экспорте и не уменьшался на величину зерна, поступавшего из предкавказских и сибирских губерний; из зерна, потребляемого армией, не была исключена та часть, которая потреблялась войсками, находившимися за пределами 50 губерний.

Численность населения на середину десятилетнего интервала определена путем интерполяции, поэтому цифры в табл VII.11 несколько отличаются от данных А. С. Нифонтова.

⁵⁴ Материалы к пересмотру договора России с Германией и другими иностранными государствами: Перевозки по русским железным дорогам. Ч. 1. Распределение перевозок хлебных грузов по губерниям и областям, и по портам и пограничным пунктам. СПб., 1914 С. 16-18.

⁵⁵ *Анфимов А. М.* Российская деревня в годы Первой мировой войны, 1914-февраль 1917. М., 1962. С. 196.

⁵⁶ Статистический сборник за 1913-1917 гг. Вып. 1. М., 1921. С. 184-185. Перепись 1916 г. не учла Ковенскую и Курляндскую губернии. Данные о скотоводстве в этих губерниях были взяты за 1914 г.: Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год десятый. Пг., 1917. С. 235-236.

⁵⁷ Сельское хозяйство России в XX веке: Сборник статистико-экономических сведений за 1901-1922 гг. / Н. П. Огановский, Н. Д. Кондратьев (ред.). М., 1923. С. 260-263. Данные переписи 1916 г. и земских обследований также похожи: Там же. С. 220-239.

---

⁵⁸ По оценке П. А. Хромова, без ссылок на источники и методику расчета, численность продуктивного скота за 1861-1917 гг. увеличилась в целом по России в 1.70-1.75 раза, в том числе в 50 губерниях Европейской России - в 1.3 раза, в Азиатской части – в 3.5 раза: *Хромов П. А. Экономическое развитие России: Очерки экономики России с древнейших времен до Великой Октябрьской революции.* М., 1967. С. 346-347. Как показывает проверка, эти цифры Хромов получил делением данных о численности крупного и мелкого скота на душу населения по переписи 1916 г. и по сведениям губернаторских отчетов за 1851-1860-е гг. Иными словами, он принял данные 1850-1860-х гг. и 1916 г. за одинаково достоверные.

⁵⁹ Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год десятый. С. 242-245.

⁶⁰ Сборник статистических сведений по истории и статистике внешней торговли России. Т. 1. С. 158-159; Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год восьмой. Пг., 1915. С. 324-325. С появлением холодильников в конце XIX в. экспорт живого скота стал сокращаться, а мяса увеличиваться. Существовал и импорт мяса, но его размеры в 7-10 раз уступали экспорту.

⁶¹ *Рашин А. Г.* Население России за 100 лет. С. 26; Статистические таблицы Российской империи за 1856-й год. С. 255.

⁶² По ориентировочной оценке, в конце XIX в. в Европейской России потреблялось около 36 кг мяса, 14 кг рыбы и 113 л молока на человека в год: *Гримм О. А.* Рыболовство и рыбоводство // *Россия в конце XIX века /* Под ред. В. И. Ковалевского. СПб., 1900. С. 200; *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи. Т. 2. С. 406.

⁶³ *Ливрон В.* Статистическое обозрение Российской империи. СПб., 1874. С. 81, 83, 91.

⁶⁴ «В настоящее время внутренние воды обезрыблены, а побережное и озерное рыболовство дает в полтора раза меньший улов, чем 15-20 лет назад»: *Кистяковский В. В.* Учебник экономической географии: Россия сравнительно с важнейшими государствами мира. СПб.; Киев, 1911. С. 121

⁶⁵ Сведения об улове рыбы в России за 1905-1914 гг. публиковались в: Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год 4-10. СПб., 1910-1915.

⁶⁶ Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год десятый. С. 318-319. В 1860-е гг. Только из Вологодской губернии доставлялось в столицы около 600 тыс. пар рябчиков ежегодно: *Ливрон В.* Статистическое обозрение Российской империи. С. 97.

⁶⁷ *Сельское хозяйство России в XX веке.* С. 284-287.

⁶⁸ *Сельское хозяйство России в XX веке.* С.271-273.

⁶⁹ *Миронов Б. Н.* Когда в России жилось хорошо // *Родина.* 2008. № 4, 5, 6.